

18+

Lui Braun Velikaya Lives
Мемо карго

*Свадебная опера
с грузинскими
напевами*

Lui Braun Velikaya Lives
Чемо карго. Свадебная опера
с грузинскими напевами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69435754

ISBN 9785006028203

Аннотация

И тот, кто приходит сюда, ищет себе любви! Осознанно ищет любви, без которой он одинок, жизнь невысказана, лишь в любви обрывается век смыслами.

Содержание

«Чемо карго»	6
Акт 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

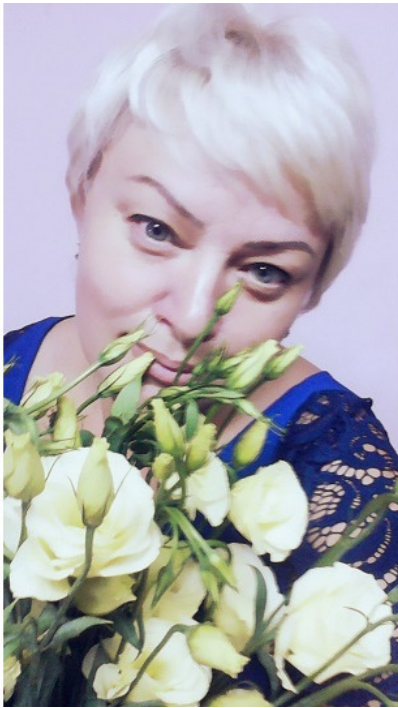
**Чемо карго
Свадебная опера
с грузинскими напевами**

Lui Braun Velikaya Lives

© Lui Braun Velikaya Lives, 2023

ISBN 978-5-0060-2820-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Velikaya Lives Lui Braun

«Чемо карго» Опера-балет с грузинскими напевами

*Напёрсток да игла!
И шьётся весь истыканный до дыр,
Натянутый в пяло старинный гобелен.
Образы меняя на вышитой картине,
Стучит игла – дыля,
Свой шпиль сточившая в костыль,
Напёрсток палец бережёт, Яга пространство
шьёт.*

*Напёрсток да игла!
Старухина легла магия в газырь,
Обережный напёрсток лежит на каждом
патроне,
Серебряная канва хранит мужчину от врага,
От оборотня, вепря, вырея – все цепенеют.*

Акт 1 Магия Кавказа

Белый камень скал, кристальный минерал,
Облицовкой став, строго охранял венчальный зал,
Будто он веками здесь прожил.

Старый аксакал, жизни толк познав,
Сам истоки счастья сторожил,
Выпуская в семейный путь,
Тех, кого к алтарю допустил,
Чтобы каждый из них дорожил,
Суть создання семьи уловил,
Наставленьем своим сотворил им завет. Дед:
«Жить в любви до скончания лет!»
Впитав в свой секрет магический лунный свет,
Чистый искрящийся мрамор в парадный костюм одет,
Словно сам к себе пришёл на банкет.
Снежный перламутр, лёгший в камень плит,
В декоре зеркальной потали золотом взор слепит.
В рифмах воспетый,
За словом строка, за строфою куплет,
Слагал ему оды поэт по течению тысячи лет,
Нежностью слов звенит, сияет как самоцвет.
Многоголосый ключ родниковой водой журчит,
Звучит и звучит,
От первых октав, поднимая источник верши,
Обертоном фонтанным кружит,
Влюблённым сердцам, раздавая ключи, кричит:
«Возьми свой марьяж, в тетрадь распиши да учи,
Слова счастья учи».
Роскошью лепнин балконных балюстрад
Блистал величественно оперный фасад,

Свой взор направив в санапиро ряд,
Как будто созерцал в мерцании пляд
Особенность изысканных культур,
Контурный ажур ограды мостовой,
Прикрытый цветущею вислой вдоль набережной.

Рельефные рисунки, колеровка,
Позолочения потального уловка:
Капителий, колонн, пилястр...

В отливке гипсовых розеток свой шарм светильникам
придаст,

И лист цветов свисает там по потолочным плинтусам.

Сплелись в фестонах густо гроздь лозы,

Сердца связали крепко узы любви,

И ангелочки то и дело, крылом прикрывшись, втихаря,

Берут прохожих на прицелы, метая метко божуля.

Полон колчан белых стрел,

Метки расставил мел,

Как будто бы знал, он тайну мечты подсмотрел.

К ним птица певчая присела,

Клевала ягоды и – Боже! —

Она всю кисть плодов объела,

И клювом весь фестон исхожен.

Подсветки, люстры, канделябры

С наноской патины в рельеф,

Задев листву лепных деревьев, вели в глубины бытия,

Состарив, словно раритет,

Ещё совсем молодые стены, стареньем выделив края.
В каждом свободном пространстве,
Незримо расчерченной клетке
Вышивка шёлка легла в канве на невидимой сетке,
Стелется полотно тоньше любых кружав.
Потоком воздуха кружат ажурные крылья стрекоз,
Глазами фасеток они у беседок следят,
Во все стороны взгляд устремив.
Слетелись имаго как на чистый бумаги лист,
Стройными брюшками нимф густо усеян карниз.
Каскадом вниз свисает органза – воздушная, легка,
Кольшется потоком ветерка,
Хрустальная оборка так хрупка,
Сорваться бы с крюка, взметнуть крылами ввысь,
Да к боковым откосам подвязан шторный низ,
Верёвки крепко держат полотно,
Кисти бахромы обняли плотно,
Для невесомой нежной органзы
Они так хороши, но тяжелы.
Всё вымерено, строго выверено, выдержано,
Если честно, рассчитано, здесь всё уместно:
И ромбы, и цветочный куст
Бутоны вывесил на ус,
Роняющий листвы сердечки, как поцелуи с милых уст
Воздушные – по ветру, по ветру,
Летят они вслед уходящим по утру.

В конфигурации узора

Предельно точно виден вкус архитектурного таланта,
Гиганта мысли, бриллианта на тысячи карат!

Белёных столбиков причудливый наряд,
Так, словно дамы облачившись в платья,

До талии корсет, стянувший торс,

Рельеф бедра очерчен по лекалу,

Изгибом плавным юбка обтекала изящность форм,

Длиною в пол раскинулся волной годе подол,

Срез, обработанный прошивкой лески ролевого шва,

И оттого, словно добавив волшебства в чудной наряд,

Виляет слинкою посад у макси-юбки —

Одна к одной стоят, парад невест, голубки,

Прикрывшись под перил навес,

Дорожкой витой тянулись в сад.

Вилял хвостом белёный парашют,

Слагая в этом парке свой сюжет,

Подобно шлейфу газовой фаты

Тянулся полверсты, змеёй полз по тропе

К цветущим клумбам в белой скорлупе.

Прожилкой чёрной в белой бирюзе

Чиркался хаотично карандаш,

На белоснежном листе простой графитовый узор,

Чертёж под кружево – подзор,

Словно под сколку, сам втихомолку, грифель точил,

Сцепляя штрихами осколки,

Иголка к иголке, без всяких причин...
Потрескавшийся мелко кракелюр
Царапинами даты стёр гравюр,
Как будто обратилось время вспять, и ну бежать!
Года не прочитать, не сосчитать,
Всё в точку сошлось, время можно менять...
В этом парке,
Пройдя рубеж под триумфальной аркой,
Каждый мог мечтать,
Реальностью своею управлять.
Щелчок о тумблер разводил кулисы сцены,
Включалась у сознания игра,
Качались рампы, выстрелив лучами световыми,
Марево – мар, мга....
Работал генератор пара,
Плыла туманная река издалека,
Качались мысли лодкой на волне,
На перекатах пресной воды проявились следы,
Мокрые шаги – шла, шаркая, Яга,
Бубнили губы, оживала магия,
Вставали миражи,
Листалась, словно на страницах, жизнь,
Кадрами текла,
Книгу листала карга.
О, Грузия, ты велика!
Чемо карго!

Браво, браво, Lui Braun!

Здесь терялись десятки лет за мгновенье, за миг,
И оживившийся старик преображал свой облик,
Словно в своих надеждах он, обновив одежды,
Снимал тучность тела, глаз слепоту, губ сухоту,
Неподвижность, усталость, лень,
Точно выходцем из нутра,
Вылетала призрачно-чёрная тень,
Что держалась на нём, словно плющ о плетень,
Плелась из проклятий, фотораспятий,
Окормов эклера,
Неслась обезумевшей дикой химерой,
Уносила с собою вспять
Горе большой беды.

Толчок в спину у синей воды,
Извилистой рыбки петляли следы хвоста,
Аквакраска густа, кобальт плюнул с лица,
Упала ухмылка губ подлеца,
Черна ежевица с перекоса десны,
Не познавшей цветенья весны...
От зависти пусты глазницы,
Фигу ей в лицо, соль разъест лицо,
Лопнет резинка, распустится хвост,
А мне от сглазу спешно умыться,
От её оговоров, путаных фраз, много раз...
Лечу от укропа, лежачего под одеждой,

От того, кто свои воплощая надежды,
Чужую примерял к себе одежду,
От насмешек людских в день улыбки,
От самой нелепой в жизни ошибки,
От сучьей свадьбы в суету,
Где самку чуют за версту,
От двенадцатого перста,
Замок на лживые уста
Повешен ключницей,
Velikaya Яга, чемо карго!
Волос седину, глухоту, ломоту,
Отёчность, одышки и ног хромоту,
Чулок больничных пустоту,
Слоновую болезнь – тяжёлую бутылку,
Что вызывает смех у всех, ухмылку,
Брезгливость, отвращение, жалость,
Даже если от этих чувств
Сердце сжалось на самую малость, чуть-чуть...
Горек вкус у солёной слезы боли был,
Но злой вырей пред Ягой отступил.
Мною вымолвлено, вымолено!
«Элифантиаз» – терялся словно россыпь мелких страз,
Глазки которых с руки кинув, не собрать,
Поток живой реки уносит время вспять
Водю этой омывать
Вздутие вен, рожистых язв...

И, словно танцевальный ас,
На мелких шажках стремя «па меню»,
Поминая дряблость свою, больной пускался в пляс!
Высечены искры из-под пят,
Слетев с катушек, дробушек хотят,
Упал с хребта упырь, забрал хомут-подкову,
На двух венцах сидевшую окову,
Бюгельный мост пал.
Оскомина на зуб, он загрызёт утин,
Слетел прострел, оставил поясницу,
Иголка вынута с крестца,
Легка рука умелого ловца,
Яга – умница, чемо карго!
Расправив руки-крылья за спиной,
Горный взлетел орёл ввысь,
Под ним склоны неслись...
Седую головую тряс, и слабый волос креп,
Из тончайшего белого шёлка в суровую нитку КРЕП,
Исчезали мозоли, тупились шипицы,
Пришпорив уколы завистливой спицы,
Снимается порчь по мельчайшей крупнице,
Развязаны шаманские узлы – ленты наузы...
Орлу легка добыча, взятая с рывка, пике полёта,
Зажали когти, крепко держат свои мечты, свои надежды.
Как луна убывает на грани убыльных фаз,
Так болезнь от больного отступала в сей раз,

Больных лечит Кавказ!

Старуха с косою казалась младою сейчас,

Пал безбрачья венец, расплелась

И струится живая волна золотистого льна,

Молодая опять, сил полна,

Заиграло в груди молоко,

На тончайший муслин капли молозива слил сосок,

За витком виток

Покатались по слинки в поток года вспять

Молодость догонять.

Кровь к щекам,

Распрямилась в плечах,

Разогнулась спина...

И в очах ясен свет,

Голова ясна,

Голос звонок опять,

Губы шепчут одно:

«Обернись, время, вспять,

Забери горстку старостных лет,

Отойди лиходей, дай пожить,

Дай ещё полюбить и желанною быть,

Унеси рекой леты, наговоры, клеветы,

Опущение матки, растяжки от схватки,

Зуб желтизну, ногтей ломоту,

Костную старость,

Худых карманов пустоту...

Скоморошьи фигнушки, папиломок висюшки,
Грибные наросты,
Робость, несмелость, языка онемелость,
Бубенчики шута...
Звенела долго клевета, лианою вилась,
Да сорвалась висла, сдалась,
Снимая, порчи понесла назад окуднице:
Обвисанье груди, бородавки, угри,
Слова путаные, скрутки путами,
Дряблость, кожные складки,
В делах неполадки,
Желудиною порчь от желудка прочь,
Аппетитом в ночь
Пусть свинья жадно жрёт от пуза,
Объедается для прироста,
Ей не всё ли равно,
Хоть пирог, а хоть порчь,
Принесённая к дому с погоста...
А мне быть молодой!
Омываюсь живою водою слов,
С меня моется сало свиное,
Тают до шкварок
Подбородки матроны, в дорогах препоны,
Глаза прячут завистницы,
Локти грызут льстецы,
Подруги лживые, глупцы...»

Эти «балаболки» неспроста свои морочили уста.
Ожерельем рябиновых бус,
Нитка на нитке,
Платье старухи в кровавой пропитке,
Иглою пронизан весь куст,
Шипица щиплется...
Вышивала наряд рукодельницей,
Нарядилась ещё в красных девицах,
Горький ягод вкус время вспять понесло,
Снят хомут из напущенных снов,
Оморочек, могильных крестов...
Монотонно шагает весло по воде из слов,
Мой плывёт челнок, волна колышет шатл,
Лопаты спешат.
И магия звучит там, где ключница бьёт ключи,
Отворяет замки ворожей,
БЬЮТ КОЛОКОЛА!
Колокольная грусть, медная...
Плачет колокол, слёзно звучит...
Гаснет порчь,
Онемело молчит морокун—чародей,
Насторожен и тих, что не выпустит более он шептуна,
Не напустит бзик, шипуна,
Лишь уста ведуна
Языком филигранно гоняют слова,
Как ножи на точиле,

Резцы заточили на чёрного колдуна.
Сник, совсем скорчился, скрючился лик,
Чёрная бабочка, встав на крыло, в горло воткнула клык,
Заострил свой нос вырей-порчельник.
Отшепчу, я у старости вас отшепчу,
Снова жизни поставив свечу, стариков лечу.
Моя кустода, первая, последняя,
И снова первая надстрочная кода!
Великая Яга костыль в ступе толчёт,
Дыля топчет, набойкою шпилька стучит,
Топочет отчит,
И старухина ступа печёт,
Как алхимика тигель кипит,
Плавя метал, стенка прочна на накал,
Нагрев, обжиг, сушку —
Порчь выжигает старушка.
Её дом – субурган.
Хоть и мал монолит, в нём живёт и старуха творит:
Диких трав фимиам в слов начёт,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.